

Михаил Латышев

Старухи со второго этажа

Драматическая новелла

Действующие лица

Антонина.

Маня.

Петухов.

Время и место действия: наши дни, город Н., летний день, трёхкомнатная квартира.

На кухне у плиты суетится Маня, низенькая полноватая старуха, с одного взгляда на которую ясно: она родилась в деревне. В самой маленькой комнате с компрессом на лбу лежит Антонина, внешне — полная противоположность сестре. Обстановка гостиной оригинальностью не блещет. Дверь ещё в одну комнату закрыта. На ней висит гипсовая маска ощерившего зубы то ли индусского, то ли инкского божества.

Антонина (*постанывая*). Скоро?.. Маня, слышишь?.. Маня!.. Оглохла... Смерти моей хочет... Как приеду, обязательно расстроят. Обязательно голова разболится. (*Страдая, встаёт с кушетки.*) Маня! Маня! Специально притворяется, что не слышит, блинами очень занята. (*Медленно, придерживаясь за стену, идёт на кухню.*) Апартаменты завели... Пока дойдёшь из конца в конец, очуришься... И мебели, мебели понаставили... Одни углы торчат...

Маня, услышав её, выходит навстречу.

Специально молчишь? Кричу, кричу, а ты и ухом не ведёшь.

Маня. Ты зачем встала?

Антонина. А потому, что не слышишь. Зову-зову, а она у плиты своей возится.

Маня. Так блины ж... Пригорят...

Антонина. Тебе блины дороже моего здоровья, получается?

Маня. Что ты говоришь? Как не стыдно?

Антонина. То и говорю, что говорю.

У меня голова раскалывается, где у вас лекарства, не знаю, а ты... Сестра! Единокровка!

Маня. Ты сама захотела, чтоб я блинов напекла.

Антонина. Я?! Это ты для Вовки стараешься, а не для меня. Не знаю я вас всех, что ли?

Маня. Ох, Антонина, Антонина...

Антонина. Что «ох, Антонина, Антонина»? Что? Неправду, скажешь, говорю? Я сюда, как к чужим людям, приезжаю; сразу видно, как меня тут любят. Особенно Вовка.

Маня. Чё ты к нему привязалась?

Антонина. Хулиган растёт, а не парень. Вот попомни моё слово: настрадаетесь вы за него. «Вы, Антонина Степановна, человек другого времени, мы друг друга не поймём». Какая я Антонина Степановна ему?! Бабушка! Породнее, чем ты!

Маня. Я скажу Петру, он поговорит с ним.

Антонина. А вот это, сестричка, не твоего ума дело: я и сама могу поговорить, если надо будет. Ты лучше про блины не забывай.

Маня. А ведь точно — забыла! (*Торопливо возвращается к плите. Переворачивает блин.*) Пригореть, слава богу, не успел.

Антонина (*идёт на кухню, присаживается у стола*). Чем, не пойму, околдовала ты их? Они тебя больше любят, чем меня. Даже Ирина — дочка, называется! — твою сторону всегда принимает. Какого зелья ты им давала — признавайся. Почему так?

Маня. Живу рядом, каждый день видимся — привыкли.

Антонина. До двадцати Ирина со мной жила, тоже рядом, а вон что выходит.

Маня. Ну, тогда не знаю. Не моего ума, видать, дело.

Антонина. Ты, Маня, не вилай!

Маня. Ей-богу, не знаю. Да и выдумываешь ты — тебя они тоже очень любят.

Антонина. Ох лиса, ох лиса ты, Маня! «Тоже любят...». Вот именно — «тоже», а должны в первую очередь! Ты им тётка, а я — мать! Моё любое желание для них — закон, любое слово — закон. А что выходит? Никто из них меня не любит. Особенно Вовка... Балбес!

Маня. Тонь, я разозлюсь...

Антонина. Напугала... Куда бы спрятаться?.. Злись, кто тебе мешает? Только балбес и хулиган Вовка, и от этого никуда не денешься. Штаны одни чего стоят, которые носит!

А магнитофон проклятый? А страшилище это на двери в его комнату? Специально повесил, чтоб меня пугать. Нет, Вовка в наказание дан Ирине, что больше тебя любит, чем мать родную.

М а н я. Ну знаешь, хватит! И повязку дурацкую сними — я знаю, что притворяешься. Ленъ небось блины было печь, а блинчиков хотелось, вот ты и...

А н т о н и н а (*вскакивает из-за стола*). Так, значит? Притворяюсь, значит?

М а н я. Ты и в детстве, когда надо было работать, всегда придумывала что-нибудь.

А н т о н и н а. Обманываю, значит? Лентяйка я? Так? (*Сдёргивает со лба компресс.*)

М а н я. А то не любишь, скажешь, на перинке поваляться?

А н т о н и н а (*швыряет повязку на стол*). Люблю. Красивые, к твоему сведению, на всё имеют право. Это ты работай, как ломовая лошадь, мне другое в жизни написано.

М а н я (*снимает со сковороды блин, льёт новую порцию теста*). Господи, какое сейчас имеет значение, кто красивый, кто не очень? Сама знаешь, где одной ногой стоим.

А н т о н и н а. Ты, может, и стоишь, а я жить люблю, мне нравится жить. И есть на что жить. Не то что некоторым.

М а н я. Это ты...

А н т о н и н а. Ага, про тебя! Про тебя, любимая сестричка! Пенсию получаешь с гулькин нос, сбережений никаких, тут, конечно, о могиле задумаешься. А я жить хочу. Мне нравится жить. Я ещё, может, замуж выйду. Если подвёрнётся соответствующий женишок. Я ведь моложе тебя на целых два года.

М а н я. Ну, Антонина... Комедия с тобой. Ты, как помню, и в детстве мечтала много, и теперь, выходит дело, не разучилась. Правда, тогда ты подбрее была. Куда как подбрее. Хоть про могилу думать тебе не хочется, но, похоже, думаешь. А то с чего бы тебе так обозлиться?

А н т о н и н а. Да ни на кого я не обозлилась... Выдумаешь же!... И Вовку я люблю, сама знаешь. И Ирину с Петром. И Светочку обожаю. Это язык подводит меня. Очень уж я горячая: как заведусь, ни за что не остановишь. А если попробуешь остановить, тебе же хуже.

М а н я (*склонилась над сковородкой*). Чего они не звонят? Родила Светлана или нет?

А н т о н и н а. Кабы родила, позвонили. Тут такая радость, что невтерпёж с кем-нибудь поделиться.

М а н я (*переворачивает блин*). Покинула родной дом, улетела наша Светочка на край земли... И что она в нём нашла?

А н т о н и н а. Мы, офицерские жёны, особенные люди, пойми ты. Это у неё от меня пошло — обожаю погоны. Вроде, как ты говоришь, ничего особенного в мужике, но офицер, и сердце сразу тает... А как пахнёт кожей португепя?! Эх, Маня, Маня, ничего ты не понимаешь. Ни-че-го! Кто, думаешь, Светланке привил любовь к офицерам? Я! А то не разглядела бы она своего Андрея, мимо прошла.

М а н я. Так они в школе вместе учились. Он офицером тогда не был.

А н т о н и н а. Это ты к чему?

М а н я. Просто так.

А н т о н и н а. Не просто так! Не просто так! И тут усть захотела? Заливаешь, мол, Тонечка, без тебя обошлись? Пусть без меня! Пусть! Но прабабкой я стану, а не ты. Понятно? Прабабкой я стану. А ты... А ты...

М а н я. Тоня, опомнись... Тоня...

А н т о н и н а. Почему это все имеют право говорить что хотят, а Тоня молчать должна?

М а н я. Зачем ты раны солью посыпаешь? Что я тебе такого плохого сделала? Я виновата, что Вовка тебе грубит, а ко мне ластится? Зачем ты?

А н т о н и н а. Господи, да не хотела я... Язык проклятый!

М а н я. Думаешь, мне легко на чужом хлебе сидеть? Я, думаешь, хочу так жить, как живу? Я на Ирину и Петра молиться готова, что к себе взяли, когда одна осталась, но свой дом — это свой дом.

А н т о н и н а. Прости балаболку. Только ты можешь выносить мой характер, а я... Прости...

М а н я. Ладно, не будем... Блин сгорит... (*Склоняется над сковородкой*). Точно, чуть не сгорел.

А н т о н и н а. Ох, язык у меня!

М а н я. Давай о чём-нибудь другом... (*Льёт на сковороду тесто*.)

А н т о н и н а. Может, хватит блинов? Сколько нам надо?

М а н я. А это последний.

Маня присаживается в ногах Антонины.

Я сейчас от сытости бешусь, а тут заботы появляются, смысл. А?

М а н я. Не знаю даже, что сказать...

А н т о н и н а. У меня кроме Петухова есть кандидаты. В Москве. Люди солидные, обеспеченные. Один вообще профессор. У меня знакомая знаешь как женила на себе такого же профессора? Артистически. Напечатала объявление: «Предлагаю услуги по хозяйству, телефон такой-то!» К ней и стали звонить. Но она же не дура, она ж со смыслом это затеяла. Ходит, присматривается к тем, кому нужны её услуги, выбирает себе кадра. И вот видит: профессор, с детьми живёт, а те — тоже учёные, им не до того, чтобы за папочкой ухаживать. Они и сами привыкли полуфабрикатами питаться, и его этой гадостью пичкают. Но у старика желудок иного требует, он у старика в прежние времена к другим блюдам приучен был. Ну, моя знакомая и старается изо всех сил! Профессор на глазах добреет, деточки рады, что нашли такую замечательную домработницу. А в конце концов что? Профессор перебирается к ней, им хорошо, и детям, кажется, тоже.

М а н я. Бывает же!...

А н т о н и н а. Элегантно, правда?

М а н я. Так Петухов не профессор.

А н т о н и н а (*в раздражении, рывком присаживается на кушетку*). Почему ты такая?! Почему нельзя помечтать?! Я, может, тоже на свою знакомую непохожа, мне с профессором не о чем будет говорить, а с Петуховым — за просто. Мне и Петухова хватит.

М а н я. Смотри... Тебе видней...

А н т о н и н а. Пятый год вдовствую. Первый — через день Василий снился. Второй — забываться стал. Третий и четвёртый — по новой зажила. А теперь скучно. Будто и жизни нет. Правнук появится, так он далеко, меня бабки к нему не подпустят, сами сюсюкать будут над ним. Вон ещё не родился, а Ирина уже там!... Для чего мне небо коптить? Для кого?

М а н я. Прости... Теперь я, не подумав, ляпнула... Одной, конечно, очень плохо.

А н т о н и н а (*встаёт с кушетки, расхаживает по комнате*). И потом, ты просто не понимаешь людей вроде Петухова! Не дано тебе их понять! Ты как была дерёвней, так и осталась. По-твоему, раз мужик с портфелем, значит, бездельник, работа — только руками, только по уши в навозе. Э-э-э, голубушка, ты сама бы

портфель тот поносила, покомандовала бы, как они командуют, посмотрела бы я, что от тебя через месяц осталось бы.

М а н я. Тоня, а давай пригласим его в гости... Вовки нет, блинов я напекла... Посидим, поговорим...

А н т о н и н а. Кого пригласим?

М а н я. Петухова.

А н т о н и н а. Петухова?! Зачем?

М а н я (*смеётся*). Сосватаю вас.

А н т о н и н а. Маня, ты это или не ты? И в тебе тоже, значит, чертёнок сидит?

М а н я. Раз ты хочешь...

А н т о н и н а. А почему, в самом деле, не общаться с Петуховым? Что нам мешает?.. Приглашаем! Накрываем на стол и приглашаем! Блинами кормить не будем, а чайку попьём. Культурнее как-то чаёк попить, чем блинами желудок набивать. (*Оживившись, выходит в гостиную*). Порядок у нас, как в танковых частях, не стыдно чужих в квартиру пускать — зовём! (*Направляется к зеркалу в прихожей*.) Ты в гостиную на стол накрывай, а я причепурюсь — и за Петуховым!... Его как зовут, Маня? (*Разглядывает себя в зеркало*.)

М а н я. Иван Яковлевич, кажись. (*Достаёт из серванта чайный сервиз*.)

А н т о н и н а. А точнее, точнее если?

М а н я. Иван Яковлевич... Да, Иван Яковлевич...

А н т о н и н а. Иван Яковлевич... Иван Яковлевич Петухов! Неплохо звучит. Ты, кстати, переодеться будешь?

М а н я. И так красивая. (*Расставляет чашки*.)

А н т о н и н а. Я тоже не буду. Не профессора охмураем. И пудриться не буду — для своих лет я ещё ого-го!

М а н я. Я как предчувствовала, чай заранее заварила, к блинам, думала, пригодится.

А н т о н и н а. Кипяток не забудь поставить.

М а н я. Поставлю, поставлю, не беспокойся. (*Идёт на кухню*.) Ты смотри, расцвела! Точно, на невесту похожа.

А н т о н и н а. Кровь забурилла. Мне мужское общество всегда на пользу шло... Петухов давно вдовствует?

Маня (зажгла газ), наполняет из-под крана чайник). Года три.

Антонина. Значит, соскучился без женского общества. Мужики скорее нас скучать начинают. (Заглядывает на кухню.) Ставишь кипятилок? Правильно.

Маня. На всякий случай погляди: я чашки так расставила?

Антонина. Посмотрю. Обязательно. (Идёт в гостиную, окидывает взглядом стол.) Так... Так... Чашки, блюдца, ложечки... Всё на месте, замечаний не имеется... У нас, кажется, варенье вишнёвое есть?

Маня. Есть.

Антонина. Ставь на стол. И коробку конфет тоже ставь. Принимать гостей, так с шиком! (Снова подходит к зеркалу.) Ах, Тоня, Тонечка, почему тебе не шестнадцать? Где твоя талия? Где губки бантиком?

Маня. Ну, Тонька! Ну, Тонька!

Антонина. Как я тебе? Ты мной восхищаешься?

Маня. Как всегда.

Антонина. Я пошла. Жди гостей. (Уходит.)

Маня ставит на стол вазочку с вареньем, открывает коробку конфет. Затем подходит к зеркалу в прихожей и несколько мгновений рассматривает себя. Вздохнув, опять идёт на кухню. Возвращается Антонина.

Маня. Что, дома нет?

Антонина. Дома. Сейчас придёт. (Прыскает в кулак.) Я его в пижаме застала, переодеться хочет.

Маня. Удивился небось?

Антонина. Растерялся. По какому случаю, спрашивает, праздник? Ни по какому, говорю, просто решили чайку попить.

Маня. Я бы так не смогла. Нахальная ты.

Антонина. Нахальная?! Смелая, вот и всё. Где ты нахальство видишь?

Маня. Я бы так не смогла...

Антонина. А раз не смогла, то нахальной надо меня называть?

Маня. Я не хотела обидеть...

Антонина. Скажи спасибо, что у меня хорошее настроение, а то я с тобой побеседовала бы... Деревней всё-таки сильно от тебя пахнет.

Маня. Говоришь абы сказать, нет чтобы подумать сначала.

Вежливый звонок.

Петухов! (Улыбаясь идёт открывать дверь.) Входите, входите, Иван Яковлевич.... Заждались...

Петухов. Здравствуйте, Мария Степановна. Вот сестра ваша пригласила, чаю попить.

Маня. А чего ж не попить? Делов у нас нет, имеем право посидеть.

Петухов. Ну, у меня, предположим, дела всегда есть, я, как на пенсию вышел, дня не скучал.

Антонина. Да вы в гостиную проходите, что в прихожей разговаривать.

Петухов идёт в гостиную, следом — Антонина. Маня заглядывает на кухню, не вскипела ли вода в чайнике?

Петухов. Так вот, закончу мысль о скуке. Что это такое, не знаю. Я, видите ли, воспоминания пишу, итоги подвожу прожитого, о замечательных людях рассказываю, с которыми жизнь столкнула.

Антонина. Что вы говорите?!

Петухов. Вот-вот — пишу.

В гостиную входит Маня.

Трудное, доложу, дело — писать, чтобы складно получалось.

Антонина. Ещё бы!

Петухов. А вам, извините, откуда известно? Вы, может быть, тоже?..

Маня садится к столу.

Антонина. Слышала. По телевизору один писатель рассказывал.

Петухов. Ага... Писатель, значит... Ну что ж...

Антонина. Маня, не стыдно? Сама сидишь, а гость...

Маня (суетливо встаёт). Иван Яковлевич... Просим...

Антонина. Выбирайте место, которое нравится.

Петухов. Повсюду хорошо сидеть, если рядом с такими женщинами. (Садится.)

Антонина. А вы, оказывается, донжуан! Умеете приятно сказать. (Присаживается напротив Петухова; сестре.) Садись, теперь можно.

Маня садится рядом с Антониной.

Петухов. Я к вам давно приглядываюсь: что за красавицы такие на втором этаже живут?

Антонина. Так уж и давно?

Петухов. Давно, давно...

Антонина. Небось, про красавиц только что придумали? По дороге сюда. Знаем мы вас! Гораздо, что придумали? По дороге сюда. Знаем мы вас!

Петухов. Честное слово, заинтересовался вами давно.

Антонина. Поверь только мужчине, мигом в неприятную историю влипнешь.

Петухов посмеивается.

А вот о чём, интересно, Иван Яковлевич, ваши воспоминания? Вы и книгу, наверное, потом сделаете?

Петухов. Книгу? О книге не думал. Обратилась ко мне ребятня из городка, в котором родился: что помню о коллективизации? Я как начал вспоминать, так и остановиться не могу. Четыре общих тетради исписал, а всё пишется и пишется. С коллективизации на более ранний период перешёл, потом послевоенное восстановление народного хозяйства обрисовал, теперь, понимаешь, людей вспоминаю, о каждом побольше хочется рассказать. Какие люди, доложу, были! Какие люди!

Антонина. Полностью с вами согласна. Я, кстати, тоже люблю повспоминать.

Петухов. Когда есть что вспоминать, вспоминать приятно. Мне же вспомнить есть что, не стыдно вспомнить... А вы почему притихли, Мария Степановна?

Маня. Да вот думаю: вскипела вода, нет?

Петухов. Ага, вскипела ли вода...

Антонина. У нас Маня об обычном думает, о другом не умеет.

Петухов. Что ж, и обычное необходимо...

Маня. Пойду взгляну. *(Идёт на кухню.)* Петухов. Извините, по-моему, Антонина Степановна? А почему хозяев давненько не видно? В отпуске, надо полагать?

Антонина. В отпуске. К дочке поехали. Она рожать собирается.

Петухов. Вечное движение жизни: мы отцветаем, другие расцветают.

Антонина. А отцветать не хочется...

Петухов. Не хочется — что верно, то верно. Не знаю, как вы, но я сейчас только и хотел бы начать жизнь. Веселее, понимаешь, вокруг, чем было.

Антонина. Разве? А я вот вспоминаю послевоенные московские магазины... Нет, тогда было лучше. Гораздо! Тогда, знаете, пудра и то душистей была.

Петухов. Может быть. Не спорю. Вы в Москве, значит, проживаете?

Антонина. С сорок шестого года. Квартира поменьше этой, но жить можно.

Петухов *(поглядывает в сторону кухни)*. Пока нет Марии Степановны, я хотел бы... Деликатный вопрос... Давно мучаюсь над ним...

Антонина. Что же это за вопрос такой — деликатный?

Петухов. Я почему, думаете, согласился прийти сюда. Не пригласили бы сегодня, сам рано или поздно пожаловал бы — вопрос требует ответа.

Антонина. Интригуете, Иван Яковлевич!

Петухов. Какое там «интригуете»? Жениться надумал старый болван, свататься хочу... Как вам это нравится?

Антонина. Что мы не люди, что ли? И мы чувствовать умеем. Это молодым кажется, что сердца у нас засохли.

Петухов. Именно! Именно!.. А кроме того, быт. Он какого-никакого, а внимания к себе требует. При моей же занятости я просто не могу уделять ему внимание. Понимаете?

Антонина. Вроде бы.

Петухов. Всухомятку питаюсь. Надоело.

Антонина. Ещё бы! Любому надоест... Мы блинов напекли. Не хотите попробовать?

Петухов. Блины... Я уж и не помню, что это такое.

Антонина. Накормим! Вспомните!

Петухов. И ещё, Антонина Степановна, хочется сказать: в смысле материального обеспечения всё в ажуре — персональная пенсия, есть кое-что на книжке, дачка небольшая...

Антонина. Да какое имеет значение? Пенсия, дачка...

Петухов. О-о, не говорите, Антонина Степановна, огромное значение! Не воздухом питается человек, не в воздух одевается, надо на жизнь трезво смотреть. Кто точно скажет, сколько нам ещё суждено греметь костями?

Антонина. Уважаю трезвых людей.

Петухов. А только они, на мой взгляд, и делают жизнь, в нужное русло направляют её.

Антонина. Мы с вами, Иван Яковлевич, кажется, найдём общий язык.

Петухов. Всегда буду рад видеть вас в гостях: и у дочки можете останавливаться, и у сестры.

Антонина. Что-то я вас не понимаю... Вы на ком жениться хотите?

Петухов. На Марии Степановне, разумеется. Я её вижу много лет, знаю, какая это труженица, нам с ней будет неплохо.

С чайником и подставкой для него входит Маня.

А вот и она сама... С чайком...

Антонина. Удивил так удивил... Мань, сказать тебе что-то?

Петухов. Не стоит, Антонина Степановна, я сам.

Антонина. Сам так сам. В таком деле третий всегда лишний.

Маня ставит чайник на стол.

Заварку чего не принесла?

Маня. Я сейчас...

Антонина. Ладно, схожу. (Выбирается из-за стола.)

Маня. Чего тебе ходить, я всё равно на ногах.

Антонина. Я сказала — схожу, значит, схожу. (Уходит на кухню.)

Маня. Нервная Антонина... Почему?

Петухов. Сам поражаюсь.

Маня. У неё, вообще-то бывает — ни с того, ни с сего как вспылит! Вы уж не удивляйтесь, если что... (Присаживается к столу.)

Петухов. Мария Степановна, я хотел бы... Вопросец имеется деликатный к вам... Очень деликатный...

Возвращается Антонина.

Если можно, потом... Потом хотелось бы продолжить разговор...

Антонина. Помешала женихаться?

Петухов. Извините, не понял.

Антонина. Женихаться, говорю, помешала? Так я уйти могу.

Маня. Тоня...

Антонина (*ставит чайник с заваркой на стол*). В чём дело? Что тебе не нравится, сестричка?

Маня. Да всё нравится... Только...

Антонина. Если я такая, то не из-за тебя. Другие причины есть.

Петухов. Вы, однако, Антонина Степановна, странно себя ведёте. Складывается впечатление, что я чем-то вызвал ваше недовольство. (*Встаёт из-за стола.*)

Маня. Да что случилось? Так хорошо всё было...

Антонина (*садится за стол, демонстративно наливает чай только себе*). Тебе *показалось, ничего не случилось*.

Петухов. *Был в моей жизни случай...*

Антонина (*ехидничает*). *Очень интересно, расскажите.*

Петухов. Слушайте, Антонина Степановна, вы слишком много себе позволяете! Нельзя же, в конце концов, одними эмоциями жить, мне лично ваши интонации непонятны.

Антонина (*сестре*). А ты оказалась права: он на самом деле зануда.

Петухов. Это переходит всякие границы! От вас, впрочем, Мария Степановна, грубых слов не ожидал. (*Направляется в прихожую. На полпути останавливается.*) Но это даже хорошо, что мы сейчас отношения выяснили, а не позже. (*Пытается открыть дверь, у него не получается.*)

Антонина (*прихлёбывает чай*). Помочь? Помоги, Маня, жениху.

Петухов. Безобразия! Хулиганство! Ни за что ни про что настроение испортили! (*Открыл замок.*) До свидания. Приятного чаепития. (*Уходит.*)

Антонина. Козёл лысый... Строит из себя... С таким действительно намучаешься...

Маня. Нехорошо вышло... Пригласили человека, а потом...

Антонина. Признавайся: специально хотела в лужу меня посадить? Знала, что мечтает на тебе жениться?

Маня. Он? На мне?

Антонина. На тебе, на тебе!.. Хозяйственная ты очень, труженица большая.

Маня. Первый раз слышу.

Антонина. Не верю! Ни единому твоему слову не верю. С Василием так же было — хотел на тебе жениться, а когда ты отказалась, на мне женился. Под старость только открылся. Но и ты хороша: всё время молчала.

Маня. Зачем мне Василий, когда я Егора любила?

Антонина. Молчала почему?

Маня. Так вышло...

Антонина. А Егор-то знал?

Маня. Егор знал. Ты же помнишь, какой он был. Его, по-моему, потому на войне и убило — хорошие не нужны, всюду их смерть ищет.

Антонина. Мань, а ты сына Василием назвала не в честь моего Василия?

Маня. Что?

Антонина. Сына, говорю, не в честь моего Василия назвала?

Маня. Не, Тоня. У него ж глаза как васильки были. Мы его с первой минуты Васильком окрестили, а потом так и пошло: Василёк, Вася, Василий.

Антонина. И всё равно, Манечка, я оказалась удачливой, лучше жизнь прожила.

Маня. Ну и слава богу — хоть кто-нибудь из нас счастливым был.

Антонина. Небось, когда отшивала Василия и не гадала, что он до капитана дослужится? Потом, наверное, локти кусала?

Маня. Не, не кусала. Сначала Егора оплакивала, потом Василька, когда утонул. Мне уже недавно совсем рассказывал Пётр, какой застал меня тогда: будто головешка, чёрная была. И лицо, и сердце — чёрные, чёрные. Удивляюсь, как руки на себя не наложила.

Антонина. Что это мы сегодня о грустном всё да о грустном?

Маня. Так получается.

Антонина. Значит, этот лысый кабан тебе ничего не говорил? Что жениться хочет, не говорил?

Маня. Тоня, почему ты так зло? Он-то чем перед тобой виноват?

Антонина. Виноват!

Маня. Чем? Ничем не виноват. И мне он ничего не говорил. Зря злишься.

Антонина. Ох, какая добренькая! Всех готова понять, кроме сестры родной.

Маня. Его ты зря обижаешь. Ей-богу, зря. Какой бы он ни был. Некрасиво у нас получилось.

Антонина. Что ты мне мораль читаешь?! И в детстве всегда одёргивала, и сейчас.

Маня. Не всегда, а когда надо было. Сама недавно говорила: накатывает на тебя злость, желчью исходишь...

Антонина. Ох какая добренькая! Ох какая добренькая! И чем тебе за добро твоё платят? Не хотела говорить, но теперь скажу: жалко видеть твою слепоту. Ты знаешь, что надумали Пётр с Ириной. В дом престарелых хотят тебя сдать. Привезут внука, тесно станет, вот и решились за доброту отблагодарить тебя.

Маня. Правда, Тоня? Это правда?

Антонина (*пьёт чай*). Правда. Когда уезжали, со мной советовались. Я, конечно, против

была. Не стыдно, спрашиваю, так поступать? Она ваших детей няньчила, обстирывала вас, кормила, а вы... А что делать, говорят, когда пятерым в квартире не ужиться, особенно с малым ребёнком? Не с Вовкой же, говорят, жить тёте Мане в одной комнате.

Маня. Правда, значит...

Антонина. Я, говорю, заберу её к себе в Москву, вместе жить станем, а они возражают: в доме престарелых лучше, вы с ней передерётесь, да и тебе, говорят, личную жизнь устраивать надо.

Маня, разрыдавшись, убегает в маленькую комнату.

За всё платить, Маня, приходится. За всё... *Присев на кушетку. Маня плачет.*

Любимица общая... Ничего, пусть поревёт... Отрезвят, может быть, слёзы... «Замечательный человек», «труженица»... Тоня — пустышка, а Маня — золотце... Пусть поревёт, слёзы никого ещё не убивали. (*Прислушивается к рыданиям Мани. Кривая улыбка пробегает по губам.*) Ничего, полезно... Зазнаваться стала... (*Пьёт чай.*)

Маня вытирает глаза. Сжав губы, возвращается в гостиную. Садится за стол. Антонина исподлобья следит за ней.

Да ты не плачь, я их ещё, может, уговорю.

Маня. Сволочь же ты, Тоня. Родную дочь с зятем так позорить. Мои слёзы — ладно, они высохнут, но их, их ты за что грязью поливаешь?

Антонина. Какой грязью? Кого?

Маня. Я тебе поверила, когда ты сказала, что пятерым негде жить, а потом вспомнила, что ты перед отъездом отговаривала их. Да тебя ж не было тут! Ты ж через два дня приехала.

Антонина. Может, я по телефону с ними говорила!

Маня. Не говорила, знаю.

Антонина. А вот и говорила! Вот и говорила!

Маня. Эх, Тоня, Тоня... Видеть тебя не хочу. (*Уходит на кухню.*)

Антонина. Ну и чёрт с тобой! Нужна ты мне! (*Пробует варенье.*) Хорошо сварено... И мяты положила, молодец!.. Мань, хватит дуться, иди чай пить, остынет... Слышишь, нет?

Маня понуро сидит у кухонного стола.

Антонина. Мань, кому говорю! Иди сюда! *(Притворно прихрамывая, направляется на кухню.)* Ну артистка я, ну что теперь делать? Люблю приврать. Я если б артисткой стала, я бы, может, народной какой-нибудь теперь была.

Маня. Привыкнуть никак не могу к твоим фокусам. Чего тебе не хватает? Фокусничаешь, фокусничаешь... И себя мучаешь, и других.

Антонина. Мне что, на колени стать, чтобы простила? Стану... Идём пить чай, остынет.

Маня. Да не хочу я чаю!

Антонина. Ей-богу, стану на колени.

Прости... Идём пить чай.

Маня. Да не хочу я чаю!

Антонина. Как тебя развеселить! Что рассказать?..

Маня. Зачем ты так? Зачем?

Антонина. Идём пить чай. *(Насильно поднимает Маню, подталкивает в сторону гостиной.)* Варенье у тебя замечательное получилось. Правильно сделала, что мяты положила,— детством сразу запахло.

Маня. Пробовала? Понравилось? *(Идёт к столу.)*

Антонина *(услужливо отодвигает стул)*. Садись сюда. Я тебя сейчас обслужу. *(Наливает чай.)* Мы сёстры, мы должны прощать одна другую. Правда? Что бы с нами ни происходило, мы любим одна другую. Правда?

Маня. Скоро, наверное, Вовка придет. Ты уж при нём...

Антонина. Всё, всё, воды в рот наберу. Пусть любую музыку включает, чёрт с ним. И про харю эту *(показывает на маску, висящую на двери)* ни слова не скажу. Обещаю.

Маня. Господи, старые мы с тобой дуры. Вон морщин сколько, а ума ни на грош.

Антонина. Маня, давай споём, а? «Снежки белые...». Помнишь?

Маня. Не, с тобой не соскучишься: и в слёзы вгонишь, и хохотать заставишь.

Антонина. Точно, я такая!.. Так споём, нет? «Снежки белые...».

Маня. Чаю дай попить. И как это петь среди бела дня, что про нас люди подумают? С ума, скажут, сошли старухи со второго этажа.

Антонина. Плевать! *(Присаживается рядом с Маней.)*

Маня *(отставляет чашку)*. Ой, Тонька, ой, Тонька!

Антонина. Запевай.

Маня. Нет, ты запевай, ты ж у нас артистка.

Антонина, обняв сестру за талию, запекает, и Маня неуверенно присоединяется к ней:

Снежки бе... снежки белые пушисты...

Ой, пушистые, ой, призакры... призакрыли все поля,

Призакры... за... закрыли все поля. Одно по..., одно по..., одно поле непокрыто,

Не покрытое, ой, горе лю... горе лютное моё,

Горе лю... горе лю... горе лютное моё

Они поют, отрешившись от окружающего. Они далеко-далеко и от летнего дня, и от трёхкомнатной квартиры, и от себя нынешних...

З а н а в е с